

С. Ф. Кокшаров
ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ ЛОМБОВОЖА*

Село Ломбовож расположено на территории Березовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Оно находится в среднем течении реки Ляпин (бассейн Северной Сосьвы) в приуральской части Западно-Сибирской равнины. В настоящее время это довольно крупный национальный поселок, связанный с внешним миром водным, воздушным транспортом и зимниками. Его ранняя история представляет значительный интерес в связи с изучением процессов колонизации Сибири, в частности с выяснением характера взаимоотношений местного и пришлого приуральского и русского населения. Речь идет о двух продолжительных этапах — времени, предшествующем включению региона в состав Московского государства, и так называемом периоде «замирения» Сибири, когда происходила деструкция военно-политических объединений аборигенов — княжеств.

Прежде всего, необходимо разобраться с названиями этого селения, которые встречаются в различных источниках.

Топоним юрты Лобымвожские впервые появляется в документах X ревизии 1858 г. До этого времени они фигурируют в источниках под названием Ляпинский городок или *Лопынг уш* 'на речке Лопынг городок' в мансийской огласовке.¹ В «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова в месте расположения городка обозначены юрты князя Шешки Кушкилева.²

Из письменных источников следует, что в Ляпинской волости существовало еще два населенных пункта с названием Ляпинский городок, что создает определенные трудности с их идентификацией. Во-первых, не следует путать Лопынг уш с русским Ляпинским острогом,

остатки которого расположены на противоположном берегу от Саранпауля. Он был построен по именному Указу 1732 г. императрицы Анны Иоанновны для «береженья местных инородцев от нападений воровской самоеди». Во-вторых, этнографы А. И. Пика и Е. В. Перевалова отмечают еще один Ляпинский (Обской) городок, упоминаемый в IV и VII ревизиях 1782 и 1816 гг. Однако они затрудняются с определением его местоположения. Примечательно, что в данных X ревизии 1858 г. он уже не фиксируется, а часть населения, проживавшего в нем, причислена к юртам Лобымвожским.³ Последнее обстоятельство позволяет предполагать, что в списках может фигурировать под разными названиями все тот же Лопынг уш.

Следует принять во внимание мнение А. Т. Шашкова, считавшего необоснованными попытки связать происхождение названия городка с именем новгородского воеводы XIV в. Степана Ляпы.⁴ Исследователь находит неубедительными и выводы краеведа Н. А. Абрамова об основании в 1592 г. казаками Ляпинской крепости, возведенной якобы на территории вогульского городка Лопынг уш.⁵ На мой взгляд, из обсуждений следует исключить также «мифический» Ляпинский городок, на месте которого возник Саранпауль.⁶ По А. Ф. Палашенкову, в 1939 г. в центральной части села отмечался земляной вал, окружавший заброшенное поселение аборигенов, где были собраны железные наконечники стрел и костяные поделки. Трудно представить, что археологический объект, если он существовал в действительности, не попал в поле зрения такого опытного исследователя, как В. Н. Чернецов. В 1935 г. он работал в Саранпауле и его окрестностях, но не оставил никаких упоминаний о наличии городища в черте поселка.⁷

¹ См.: Федорова Е. Г. Ломбовож: к возможному прошлому // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1. С. 217.

² См.: Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири. М., 2003. Т. 1. Лист И; Там же. Т. 2. С. 78.

Кокшаров Сергей Федорович — к.и.н., старший научный сотрудник сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН
E-mail: uniz@mail.ru

* Работа выполнена по проекту «Диалог культур и этничность в контексте колонизации», в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

³ См.: Пика А. И. Традиционные социальные структуры // Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 33; Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 386.

⁴ См.: Шашков А. Т. «Встречь солнцу» // Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 79.

⁵ См.: Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Шадринск, 1993. С. 25.

⁶ См.: Палашенков А. Ф. Ляпинская крепость // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. 1963. Вып. 5 (12). С. 53.

⁷ См.: Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 265, 266.

Ляпинский городок — Лопынг уш — впервые попадает в поле зрения летописцев в связи с событиями рубежа XV–XVI вв.: он был взят русской ратью под командованием воевод князей С. Ф. Курбского и П. Ф. Ушатого во время зимнего похода 1499–1500 гг. Двигаясь через Приполярный Урал в Сибирь, русские ратники воины «убили... на Камени самоеды 50 человек, а взяли 200 оленей. От Камени шли целую неделю до первого города Ляпина». Вскоре сюда прибыли с Нижней Оби, с Обдора, на оленях югорские князья, подтвердившие свою покорность московскому князю. «А от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках».⁸ Можно предполагать, что в городке располагался центр (или один из центров) остяко-вогульского княжества, не покоренного в 1483 г., во время предшествующего похода в Приобье воевод князя Ф. Курбского Черного и И. И. Салтык Травина. По мнению А. Т. Шашкова, этот факт следует из шертной записи 1484 г., где упоминается некий Лаб (или Ляб), который, как отмечали кодские и югорские князья, «не под ними». Исследователь соотносит его с остяко-вогульским объединением, известным позже как Ляпинское или Куноватско-Ляпинское княжество. «Замирение» последнего и было наиболее вероятной причиной этой военной кампании.⁹

Менее чем через сто лет Ляпинский городок вновь упоминается в русских источниках. Это связано с событиями, касающимися Обского городка, основанного воеводой И. Мансуровым, и с зимовкой в нем в 1585 г. русского отряда. Известие о пребывании в Сибири крупного войска и его возможном возвращении на русские земли вверх по Северной Сосьве и Ляпину, по печорскому пути через Урал было воспринято куноватско-ляпинским князем Лугуем в качестве реальной угрозы. В результате он лично отправился в Москву к царю Федору Иоанновичу с просьбой, чтобы «тех его городков ратным людем, которые ныне сидят в городе... на великой реке на Оби, на усть Иртыша, воевать его, и племя его все, и его людей, которые во шти городках сидят, не велети».¹⁰ За это князь Лугуй обязался добровольно платить дань в Вымскую землю. Царь удовлетворил просьбу ляпинского князя. В ав-

густе 1586 г. он получил жалованную грамоту, подтверждавшую его княжеское достоинство и определявшую размер ежегодной дани с его владений. В документе перечислены шесть принадлежавших князю Лугую городков, среди которых фигурирует и Ляпинский.¹¹

В первой трети XVII в. о городке сообщает одно из первых географических описаний России — «Книга Большому чертежу». Она была составлена в 1627 г. в Разрядном приказе по «государеву указу» и рассматривалась как официальный по своему происхождению источник. Ею пользовались, помимо учреждений, служилые люди, выполнявшие те или иные государственные поручения. В «Книге» упоминаются 12 поселений, расположенных по Северной Сосьве и ее притокам:

«А по Сосве и по Сысве (Сыгве — С. К.) города,

С верху на Сосве город Юиль а з другой стороны, на низ 30 верст,

Мункус (Мункес — С. К.).

А ниже Мункуса 30 верст Ляпин (Лопынг уш — С. К.).

А ниже Ляпина 60 верст, на другой стороне на Сосве, Искар.

А ниже 80 верст Тапсы (Тапсуй — С. К.).

А ниже 40 верст Нячин; а с другой стороны 30 верст Заглеи; а ниже

Заглея, 50 верст, Воронеи.

А ниже Воронья, 50 верст, Хюликар (Люликар — С. К.).

А ниже Хюликара, 60 верст, Эстын.

А на усть реки Сосвы, с вышней стороны, Махтин, а с нижней стороны, Березовои.

И те города Сысве и по Сосве, Югра».¹²

После присоединения Сибири к Русскому государству городок сохранял неординарный статус. Это следует из факта постоянного проживания в нем князей Шешкиных, потомков Шешки Кушкилева.¹³ В свою очередь, Шешкины ведут происхождение от рода ляпинского князька Кушкула Наева, фигурирующего в челобитной 1610 г. Судя по ней, он выражал интересы населения Ляпинской волости, образовавшейся наряду с Подгородной и Куноватской после распада Куноватско-Ляпинского княжества. Это произошло вслед за казнью

⁸ Цит. по: Шашков А. Т. К богатствам стран «полуночных» // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 86.

⁹ См.: Он же. «Встречь солнцу». С. 79; Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 44.

¹⁰ Цит. по: Шашков А. Т. «Встречь солнцу». С. 93.

¹¹ См.: Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935. С. 67.

¹² Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 170.

¹³ См.: Мартынова Е. П. Этнодемографические процессы // Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск, 1992. С. 5.

в 1607 г. ляпинских князей Шатрова Лугуева, Петра Куланова и его сына Антона, а также Лечмана Наева, принимавших в 1605 г. активное участие в антирусских выступлениях. Потомок Кушкула Наева Шешка (Шекша) получил в 1692 г. царскую жалованную грамоту на управление Ляпинской волостью. Его потомки — Шешкины — проживали в Ляпинской волости на протяжении XVII–XIX вв., но уже во времена Г. Новицкого были лишены всякой власти.¹⁴ По сведениям Е. Г. Федоровой, грамоты, подтверждавшие княжеское достоинство, Шешкины хранили еще в XX в., а при советской власти они прятали их в болоте.¹⁵

В начале XVIII в. в памяти русской администрации были еще свежи «изменные дела» предшествующих остяко-вогульских правителей, поэтому для эффективного управления волостями было исключительно важно расположить к себе туземную элиту. Светская власть и духовенство в этом направлении действовали сообща. Если первая шла навстречу просителям в челобитных о признании их княжеского происхождения, то священнослужители прилагали всевозможные усилия для обращения язычников в христианство. Разумеется, не мог быть оставлен без внимания и достаточно многолюдный Лопынг уш, где проживали князья Шешкины–Кушкилевы. В начале XVIII в. на казенные деньги здесь была построена церковь, посвященная Богоявлению Господню, и в 1714 г. князь Шешка принял крещение под именем Матвея.¹⁶

Расчет властей и духовенства был очень верным и по другой причине. В городке находился один из крупных языческих центров Ляпинско-Сосьвинского Приобья, где периодически проводились ритуальные празднества.¹⁷ Некоторые из них инициировались самими Шешкиными, носившими имя *тохлан сыр махум* 'Люди крылатого рода'. Ритуалы совершались в течение трех лет подряд через каждые семь лет. Примечательно, что собравшиеся на празднике танцевали в шлемах с саблями в руках.¹⁸ Если учесть, что в окрестностях Ломбовожа до настоящего времени функционируют многочисленные святилища,

то сакральный характер поселка для языческого мира XVIII в. становится еще более очевидным.¹⁹

Принятие местными жителями христианской веры спровоцировало набеги на Ляпин обдорских остяков и самоедов, которые обвиняли их в измене язычеству. Новокрещены подвергались физическому насилию, а тела убитых — надругательству.²⁰ К 1722 г. относится донесение березовскому воеводе Пашкову о набегах на Лопынг уш самоедов Нарта и Питича со 130 единомышленниками. Они ограбили церковь и всех жителей городка, убили нескольких остяков, изуевчив их трупы. Схи-монах Феодор, узнав о самоедских набегах, настоятельно просил гражданское начальство о защите остяков. В результате 19 июня 1725 г. березовскому воеводе было предписано охранять волости остяков от самоедов.²¹ Несмотря на предпринятые меры, ляпинская церковь горела и в 1730 и в 1733 гг. После второго пожара ее восстановление было признано нецелесообразным, а местное население было присоединено к приходу Сартыннинского погоста на Северной Сосьве.²² Это событие можно рассматривать как победу язычников над официальной религией в локальном масштабе.

В 1740 г. город Березов посещает академик Г. Ф. Миллер. Расспрашивая местных жителей и чиновников, он записывал информацию о населенных пунктах, городищах и старых капищах Березовского края. Среди прочих им отмечен и городок Лопынг уш. Исследователь подметил, что вогульские названия, имеющие корень *ush*, давались не всем поселениям, а тем из них, где прежде находились старые вогульские укрепления. Правда, добавлял он, большие населенные пункты (деревни), также часто называемые городками, в действительности не имели остатков видимых фортификаций.

По Г. Ф. Миллеру, городок Лопынг уш назван по совсем маленькой речке Лопынг-соим, впадающей в Ляпин. «По этому названию было дано и название Ляпинской волости Березовского уезда. Между тем, в просторечии река Сыгва нередко зовется Ляпиною». Та-

¹⁴ См.: Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 68.

¹⁵ См.: Федорова Е. Г. Указ. соч. С. 218.

¹⁶ См.: Шашков А. Т. Югорские князья в XV–XVIII вв. // Северный регион: Наука, образование, культура. Сургут, 2001. С. 177.

¹⁷ См.: Пика А. И. Указ. соч. С. 33.

¹⁸ См.: Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. Вып. 6–7. С. 162, 175, 178.

¹⁹ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Новосибирск, 1986. С. 128–130, 137, 138.

²⁰ См.: Перевалова Е. В. Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. I. С. 164.

²¹ См.: Абрамов Н. А. Указ. соч. С. 18, 19.

²² См.: Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / Пер. и подгот. текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. С. 104.

ким образом, он зафиксировал смешение названий двух совершенно разных гидронимов. Далее он сообщает, что в Лопынг уш находится зимняя вогульская деревня. В прежние времена это место было известно по торговле, которая велась русскими и зырянами с сибирскими аборигенами — вогулами и остяками. «Вогуличи» слышали от своих предков, что там были построены русские торговые лавки, «от которых однакож ныне никаких следов более не видно». Значение городка как важного торгового центра сохранялось до той поры, пока не был построен Березов, куда позднее переместились купцы. От поселения до Березова вел наикратчайший путь, называвшийся Зырянской дорогой или Русским тесом.²³ По другим сведениям, зимник, соединявший оба населенных пункта, назывался также *ус лёх* (городская дорога). Наряду с березовским зимником функционировал еще один, шедший от Ломбовожа в сторону Ивделя, к лозьвинским манси, получивший название *тайт лёх* (сосвинская дорога). Ссылаясь на информаторов, Е. Г. Федорова замечает, что на данной территории только Ломбовож может рассматриваться своеобразным перекрестком путей.²⁴ Удачное географическое положение селения также привлекало сюда людей. По данным В ревизии 1795 г., в нем проживало 227 человек, или 59 % всего населения Ляпинской волости.²⁵ Таким образом, Лопынг уш можно считать одним из ранних центров средневековой торговли в Сибири, который передал эту своеобразную эстафету Березову.

Сведения Г. Ф. Миллера о возможном наличии в Лопынг уш остатков укреплений и о пребывании в городке русского и приуральского торгового населения подтверждаются материалами археологических исследований.

Археологические памятники Ломбовожа попадали в поле зрения многих археологов и этнографов. В 1880-е гг. К. Д. Носилов обследовал остатки русского Ляпинского острога у Саранпауля и Ломбовожский «курган», за который принял, очевидно, укрепленное поселение. В 1930-е гг. на Ломбовожском городище побывали В. Н. Чернецов и А. Н. Баландин.²⁶ В последние десятилетия XX в. поселок Ломбовож посещали И. Н. Гемуев, Е. Г. Федо-

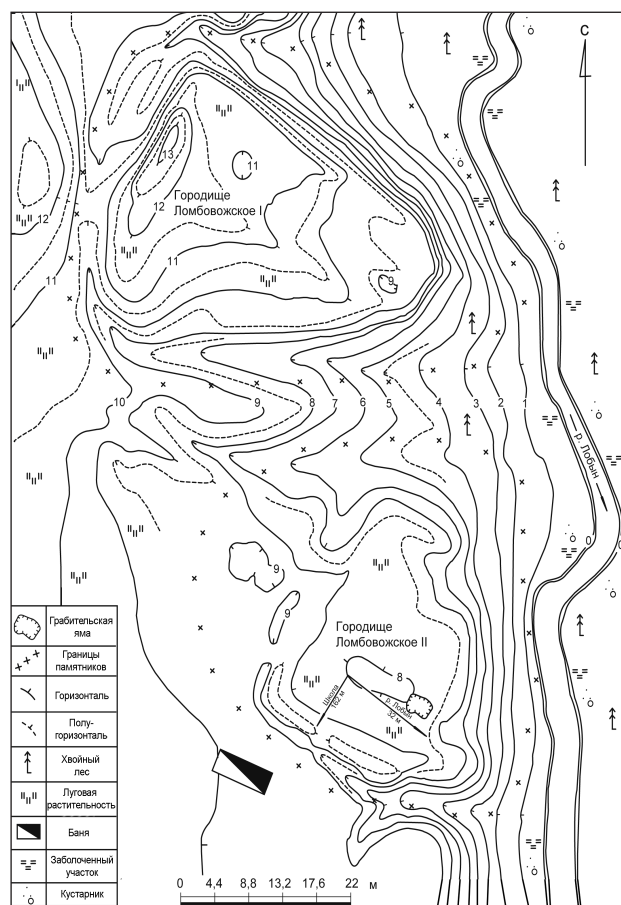

Рис. 1. План расположения городищ Ломбовожское I, II

рова, Е. В. Перевалова. Они привели местные названия самого яркого археологического памятника поселка — Ломбовожского городища.²⁷ К сожалению, исследователи не составили планов осмотренных объектов, поэтому получить представление об их внешнем облике достаточно сложно.

В 2003 г. обследование поселка было проведено Е. А. Жирных. В ходе разведки были сняты планы не одного, а двух разновременных городищ, расположенных к северо-востоку от поселковой школы, которые получили названия Ломбовожское I и II.²⁸

Первое городище находится на 10–12-метровом коренном берегу реки Лобын, в 212 м к северо-востоку от поселковой школы. Площадка городища, поросшая травой, имеет подтреугольную форму, вытянута по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Ее размеры: северо-восточная сторона — 38 м, юго-восточная — 38,

²³ См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т. 1. С. 95.

²⁴ См.: Федорова Е. Г. Указ. соч. С. 216.

²⁵ См.: Мартынова Е. П. Указ. соч. С. 5.

²⁶ См.: Талицкая И. А. Указ. соч. С. 263–266.

²⁷ См.: Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Указ. соч. С. 57; Федорова Е. Г. Указ. соч. С. 223–225.

²⁸ См.: Жирных Е. А. Археологические обследования в окрестностях п. Саранпауль // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. Вып. 2. С. 384.

западная — 28. С северо-востока и с запада площадка защищена логом протяженностью 37 м, с востока — крутым берегом реки, с юга и частично с запада площадка ограничена естественным логом протяженностью 48 м. С напольной стороны расположены остатки оборонительной системы, состоящей из вала на самой площадке и рва перед ней. Вал шириной 5,2 м и высотой 1 м прослеживается по краю площадки на протяжении 16,8 м. Ров шириной 4,4 м и глубиной до 0,5 м был создан за счет искусственного продолжения двух огибающих площадку естественных логов. В средней части объекта имеется перемычка, указывающая на расположение выхода из городища. Сразу за ровом рельеф повышается на 2,5 м.

На осыпях культурного слоя на склонах городища собраны фаунистические остатки. Коллекция включает кости северного оленя (2 особи), лося (2), медведя (3), собаки (2) и свиньи (1). Судя по отдельным нарушениям слоя на самой площадке, на городище имелись глинобитные сооружения в виде чувалов.

Ломбовожское II городище расположено на том же берегу реки между первым городищем и поселком, в 162 м к северо-востоку от школы. Объект зарос отчасти лесом, не столь эффектен, как первый памятник, поэтому он не попадал в поле зрения исследователей. Площадка городища поросла луговой растительностью, имеет неправильную форму и вытянута по своей длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. Длина площадки — 26 м, а максимальная ширина — 19. С северной стороны она ограничена логом, отделяющим ее от первого городища, с восточной — берегом реки, с юго-запада прослеживаются остатки оборонительной системы в виде вала и рва. Вал длиной 22 м, шириной 1,6 и высотой 0,5 м прослеживается вдоль всего юго-восточного и части северо-западного краев площадки. Он разделен на две части, в месте разрыва вала предположительно находился выход. Оборонительный ров также разделен на две части. На юго-западном краю площадки находится грабительская яма подпрямоугольной формы размером 3,2×2 м. Памятник относится к более раннему времени, чем первое городище.

На левом берегу реки Лобын, ниже действующего поселкового кладбища, имеется еще одно городище, упоминаемое Е. Г. Федоровой.²⁹ Недостаток времени в 2003 г. не позво-

лил провести его инструментальную съемку. Наличие прямоугольных впадин, занимающих всю жилую площадку, позволяет датировать его I тыс. н. э.

Ломбовожское I городище относится к числу поздних средневековых памятников таежного Обь-Иртышья. Топография, характер укреплений и внешний облик позволяют поставить его в один ряд с такими городищами, как Шеркалы I, Малый Атлым I, Большой Атлым I, Карымкарское I (Нижняя Обь), Цингалы, или Тяпар вош (Нижний Иртыш), Картауш (бассейн Конды), которые относятся к числу объектов, связанных с историей «остяко-вогульских княжеств». В дорусское время они выполняли функции военно-политических центров, где проживала местная знать.³⁰

В работе В. Н. Чернецова Ломбовожское I городище фигурирует как *Тан-Варуп-Эква* 'Нитки делающей женщины'. Он нашел на памятнике фрагменты железной кольчуги и топор новгородского типа, по которому датировал памятник XI–XII вв.³¹ Последующие исследования позволили уточнить время бытования подобных секир и, соответственно, русско-югорских контактов.

Находка относится к числу так называемых бородовидных топоров с оттянутым книзу лезвием и двумя парами боковых щековиц. Б. А. Колчин рассматривал эти орудия в качестве переходных форм, ограничивая их существование второй половиной XII в.³² А. Н. Кирпичников считает их универсальными изделиями, сочетающими качества боевых и рабочих топоров, и относит к типу VI, определяя время существования в интервале X–XIII вв.³³ Второй аналогичный топор найден при раскопках позднесредневекового городища Большая Умытъя 36 (Шаман-гора), расположенного в бассейне Конды. Он связан с жилищем № 2 восьмого строительного горизонта, относящегося ко времени не ранее XIV вв.³⁴ Эта дата незначительно расширя-

³⁰ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Феномен таежной цивилизации // Родина. 2000. № 5. С. 42, 43.

³¹ См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье в I тысячелетии н. э. // МИА. 1957. № 58. С. 213. Табл. XXXIV, 3–4.

³² См.: Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 25, 26, рис. 10, 2–3.

³³ См.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. 1966. Вып. Е1-36. С. 29, рис. 6, табл. XVI, 7–8.

³⁴ См.: Кокшаров С. Ф. Средневековые топоры городища Большая Умытъя 36 // Вторая полевая Югорская биеннале: Сб. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. «Роль полевых исследований в сохранении исторического и культурного наследия Югры». Ханты-Мансийск, 2008. С. 90.

²⁹ См.: Федорова Е. Г. Указ. соч. С. 224.

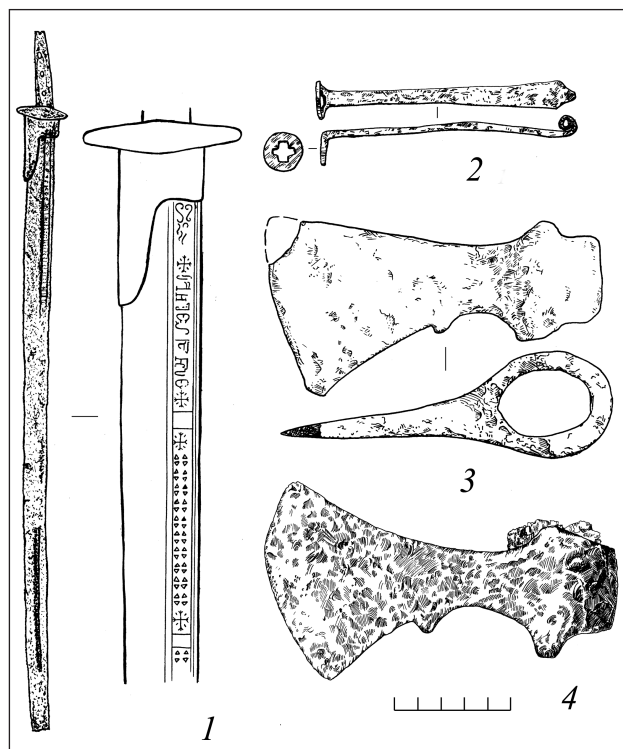

Рис. 2. Изделия из железа — предметы импорта с Кавказа и Восточной Европы:

1. Армянская сабля с р. Малая Тынагота
2. Ключ от замка с пос. Мань-Няслан-Тур
3. Бородовидный топор с Ломбовожского I городища
4. Бородовидный топор с городища Большая Умытья 36 (1–3 — без масштаба)

ет временные рамки существования данного типа топора, определенные А. Н. Кирпичниковым, но в целом не противоречит новгородскому происхождению находок.

В свое время В. Н. Чернецов также связал ломбовожский топор с походами новгородцев.³⁵ Для подкрепления этого вывода можно было бы сослаться на русские летописи, приводящие рассказ Гюряты Роговича о немом торге, в котором упоминаются секиры (топоры), обмениваемые новгородцами на меха. Из других источников известно, что некоторые новгородские предприниматели поддерживали настолько тесные связи с местным населением, что даже шли на откровенный сговор с югорскими вождями, предавая интересы своих земляков. Свидетельством тому могут служить драматические события 1193 г., когда в Югре была разгромлена новгородская рать под предводительством воеводы Ядрея.

Поражение было обусловлено двумя факторами. Во-первых, югричи прибегли к военной хитрости, неоднократно заманивая новгородцев в осажденный ими городок. Во-вторых, се-

паратные переговоры с аборигенами вели некоторые из новгородцев. Один из них, по имени Савка, откровенно призывал князя Югорского убить своего же земляка-новгородца: «Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича и отпустишь его в Новгород живого, то ему, князь, удастся опять воинов привести сюда и землю твою опустошить». Участники похода, сочувствующие Савке, были наказаны уже по возвращении на родную землю: «И тогда пришли оставшиеся в живых из Югры, и убили Сбышку Волосовича, и Негочевича Завида, и Мстислава Поповича... а другие мехами откупились. Сделано это было им за то, что совет держали с Югрой на своих братьев...». Печальный финал похода воеводы Ядрея, завершившийся людскими потерями, свидетельствует о том, что отдельные русские вещи, в том числе и новгородские топоры, могли попасть к жителям Сибири и в качестве трофеев.

Другая версия появления в Сибири немногочисленных предметов древнерусского вооружения высказана А. П. Зыковым. Он считает, что какая-то часть вещей, в том числе и топоры, действительно связана с проникновением в таежное Обь-Иртышье военно-торговых отрядов новгородцев.³⁶ Однако исследователь не абсолютизирует значение импорта и допускает местное производство части оружия и защитного снаряжения: наконечников копий, тесел, пластинчатых доспехов и шлемов. Его мнение подкреплено данными микроструктурного металлографического анализа железных изделий.³⁷

К сказанному можно добавить, что следы производства черного металла (металлургические шлаки) на позднесредневековых памятниках таежного Обь-Иртышья далеко не редкость. Кроме того, при раскопках городка Эмдер, столицы одного из остяцких княжеств Нижнего Приобья, обнаружены остатки двух мастерских, в которых, судя по кузнечному браку, ковались кресала новгородского облика. Примечательно, что обе кузницы функционировали в пределах крепости в интервале XIV–XVI вв.³⁸ Та-

³⁶ См.: Зыков А. П. Вооружение обских утров в X–XIII вв. // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987. С. 153.

³⁷ См.: Он же. Металлургия и металлообработка на памятниках Рачевского комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск, 1986. С. 129.

³⁸ См.: Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001. С. 48–50, рис. 23; Они же. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2002. Вып. 1.

³⁵ См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье... С. 213.

ким образом, средневековые югорские кузнецы были хорошо осведомлены о продукции своих восточноевропейских коллег, но, удовлетворяя в меру возможностей спрос на кузнечные изделия, предпочитали работать по привычным технологическим схемам.

Среди костей животных, собранных в 2003 г. на Ломбовожском I городище, обращает на себя внимание кость свиньи. Находка может рассматриваться как свидетельство пребывания здесь приуральского населения, бравшего в далекую сибирскую экспедицию провиант в виде окорока. Примечательно, что единичные кости этого животного обнаружены еще на двух позднесредневековых городищах Нижнего Приобья — Шеркалы I и Эмдер.³⁹

Появление городища Шеркалы I связывается некоторыми исследователями с древними коми, которые якобы переселились в XII–XIV вв. в Северо-Западную Сибирь.⁴⁰ Свой вывод они подкрепляют находками вещей приуральского облика и топонимами коми происхождения, встречающимися в Нижнем Приобье. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти, так как оно не учитывает другие важные обстоятельства. Не отрицая проникновения в Сибирь приуральского населения, мы считаем ошибочным мнение, что такие городища как Шеркалы I возникли благодаря приходу мигрантов. Во-первых, коллеги акцентируют внимание на пребывании приуральского населения в Сибири, не «замечая» обско-угорских топонимов и этнотопонимов на реках Вычегде, Печоре и даже в верховьях Мезени.⁴¹ Во-вторых, принятие такой позиции означало бы игнорирование факта существования достаточно мощных остяко-вогульских княжеств на территории таежного Обь-Иртышья, сопротивление которых вынуждены были преодолевать русские отряды. В-третьих, лидеры этих военно-политических образований обладали достаточной силой и людскими ресурсами, чтобы возводить основательные укрепления

и успешно противостоять не только русским ратям, но и предкам коми. В-четвертых, в героическом эпосе обских угров отсутствует информация о военных столкновениях с предками коми. Принимая во внимание имеющиеся материалы, было бы правильнее говорить об эпизодическом (или регулярном) проникновении в бассейн Северной Сосьвы и Нижней Оби отдельных групп древних коми и русского населения, занимавшегося торгово-обменными операциями.

Кость свиньи, найденная на Эмдере, который был удален от основных торговых путей, любопытна и в другом отношении. Она свидетельствует о знакомстве части нижеобского населения с некоторыми экзотическими мясными продуктами. Разумеется, эти деликатесы разнообразили стол исключительно таежных вождей.

До проведения археологических раскопок на Ломбовожском I городище было бы преждевременно формулировать какие-то окончательные выводы относительно возможного пребывания здесь восточноевропейского населения. Однако сообщения Г. Ф. Миллера и рассмотренные выше находки скорее подтверждают это заключение, чем противоречат ему.

Такие обстоятельства, как наличие в Ломбовоже крупного позднесредневекового городища, длительное проживание на этом месте князей Шешкиных, упоминание городка в русских письменных источниках и пересечение в нем летнего (водного) и зимних транспортных путей, свидетельствуют о неординарном статусе поселка. На сакральный характер Ломбовожского I городища указывает отношение к нему местных жителей — манси, называющих его *ус сяхыл* ('городской холм'). Они полагают, что здесь когда-то проживал *Хонт Торум* (Бог войны), приходившийся сыном другому небожителю — властителю грома и молнии *Щах-эл Торум`у*.⁴² Если учесть, что местные вожди вели происхождение от громовников, выделяясь тем самым из числа соплеменников,⁴³ то археологический памятник можно связать с большой степенью уверенности с остатками столицы таежного княжества.

Пребывание на территории княжеской резиденции древнего коми и русского населе-

С. 114–116, ил. 3, 6.

³⁹ См.: Косинцев П. А., Морозов В. М., Терехова Л. М. Млекопитающие в системе природопользования средневекового населения Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. Свердловск, 1988. С. 55, табл., С. 57, табл.; Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. С. 204.

⁴⁰ См.: Морозов В. М., Пархимович С. Г. Пришельцы из Приуралья // Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 62, 63.

⁴¹ См.: Мурыгин А. М. Западносибирский этнокультурный компонент на Крайнем Северо-Востоке Европы: ареал поселения или многовекового обитания // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. Рис. 1А.

⁴² См.: Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Указ. соч. С. 57.

⁴³ См.: Кокшаров С. Ф. Громовержцы обских угров // Историческая наука на рубеже веков: Ст. и материалы конф., посвящ. 60-летию ист. фак. Урал. гос. ун-та им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000. С. 52.

ния не выглядит странным. Торговые люди располагались за стенами городка, где им гарантировалась безопасность, неприкосновенность личного имущества и привезенных товаров. Содействуя ведению транзитной торговли, местный правитель пользовался всеми преимуществами своего положения. Если учесть, что ляпинские князья контролировали сбор пушнины с подвластного населения, обмениваемой на престижные товары, и обогащались от «военного промысла», то можно не сомневаться в их авторитете среди других таежных лидеров и рядового населения. Аналогичная модель взаимовыгодных отношений между пришельцами из-за Урала и вождями существовала в городке Шеркалы I и других относительно крупных средневековых крепостях Приобья.

Недостаточная источниковая база затрудняет выяснение масштабов торговли, осуществлявшейся через Лопынг уш, как, впрочем, и в целом по реке Ляпин, хотя известно, что в средние века по этому оживленному маршруту в Сибирь поступали вещи, изготовленные в государствах Европы и Востока. Достаточно вспомнить находку армянской сабли на реке Малая Тынагота,⁴⁴ железный ключ от навесного замка с поселения Мань-Няслан-Тур⁴⁵ и

серебряную цепочку из окрестностей Саранпауля. Эти материалы — лишь малая часть источников, отражающих интенсивные связи средневекового населения Восточной Европы и Сибири.

Яркие страницы ранней истории Ломбовожа контрастируют с современностью, когда он оказался в стороне от важнейших транспортных путей и представляет собой небольшой поселок, живущий провинциальной жизнью. С одной стороны, учащиеся новой поселковой школы могут хорошо видеть из ее окон остатки средневековой крепости Лопынг уш, тщательно оберегаемой населением, а с другой — еще осенью 2003 г. населенный пункт питался электричеством по часам от дизельного генератора. Несмотря на то что в административном отношении поселок входит в состав Сосьвинской сельской администрации, его жители по-прежнему идут за советом и помощью к своему старосте, род которого восходит к Артанзею — одному из сыновей князя Лугуя.

Удивительный сплав прошлого и настоящего, наблюдаемый в Ломбовоже, еще предстоит изучить во всех его деталях и проявлениях, и можно надеяться, что это насыщенное исследовательское поле будет постоянно манить к себе ученых.

FROM THE EARLY HISTORY OF LOMBOVOZH

The paper deals with the history of indigenous community Lombovozh located in the west of Beriozovsky district of the Khanty-Mansiisk Autonomous Okrug. It was built on the place of the Middle Age settlement Lopyng Ush which was first mentioned in the Russian written sources of the 15th century under the name Lyapin Town. The author traced the evolution of the community from the Middle Ages to present time. It was originally known as the capital of the Lyapin principality, the center of transit trade for the European and the Siberian populations. After colonization of Siberia by the Russian state it became a large village in the Lyapin volost of the Beriozovsky district. There is a lot of factual evidence indicating that throughout its history the community maintained the status of a major heathen religion center of the Lower Ob region, which was capable of opposing the official church. The extraordinary combination of the past and the present, as well as its original indigenous culture contributing to the uniqueness of Lombovozh still attract researchers to the community.

Sergey F. Koksharov

⁴⁴ См.: Джанполадян Р. М., Кирпичников А. Н. Средневековая сабля с армянской надписью, найденная в Приполярном Урале // ЭВ. 1972. Вып. 21. С. 21–29.

⁴⁵ См.: Чернецов В. Н. Нижнее Приобье... С. 232, табл. XLVI, 4.